

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Г. В. Плеханов в 1917 г. — Его последние дни

I

В своей брошюре «Еще о войне», вышедшей в 1916 году Плеханов писал:

«Россия принадлежит не царю своему, а своему трудящемуся населению. Кому дороги интересы этого населения, тот не может быть равнодушен к судьбам России... Мы должны восставать против эксплуатации одного народа другим, как восстаем против эксплуатации трудящейся массы господствующими классами. Я сочувствую своей родине, когда она подвергается нападению, и не сочувствую ей, когда она нападает. Эксплуататор угнетает, следовательно, нападает, эксплуатируемый стремится освободить себя от угнетателя — следовательно, обороняется... Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма и никогда этого не думал. А убежден, что он заинтересован лишь в одном: **чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов.** А это нечто совсем другое».

II

Весть о революции в России застала Плеханова в Сан-Ремо, в Италии, где он обычно проводил зимние месяцы. Плеханов долгое время болел легкими. Несмотря на бо-

лезнь, он однако продолжал усиленно работать. Помимо многих статей о войне, которые он писал на разных языках, он в то время подготовлял свой большой труд «История общественной мысли в России». Но вдруг получилось известие о февральской революции, а затем он начал получать вместе с приветствиями и поздравлениями также просьбы друзей, чтобы он немедленно вернулся в Россию, где он теперь очень нужен.

Март месяц был для Плеханова неподходящим для того, чтобы предпринять длительное и тяжелое путешествие по морю, в особенности когда это было сопряжено с большой опасностью для жизни, ибо немцы тогда вели отчаянную подводную войну и они, несомненно, постарались бы взорвать пароход, который вез такого опасного их врага. Однако, когда Плеханов получил приглашение ехать вместе с французской социалистической делегацией, которая направлялась в Россию, он сразу бросил все свои работы и в течение нескольких часов сложил свои вещи и вместе с женой отправился в Лондон откуда вместе с французской социалистической делегацией должен был отплыть в Россию.

В Лондоне тогда находился старый друг и один из ближайших соратников Плеханова Лев Григорьевич Дейч, который тоже собирался ехать в Россию. О решении Плеханова он ничего не знал, как вдруг в одно туманное лондонское утро он получил от Плеханова приглашение притти к нему в гостиницу.

«Моего старого друга, которого я не видал уже восемь лет, — писал в двадцать третьем году Дейч в американском журнале «Ди Цукунфт». — я застал в кровати, сильно кашляющим. Но он был очень бодро настроен и оживлен. И в последующие дни погода в Лондоне была сырая и холодная. При таких условиях его поездка мне казалась слишком опасной для его здоровья. И я поэтому пытался его уговорить, чтобы он не ехал. Но сразу, при первых же моих словах он сам признал, что поездка для него связана с большим риском. «Я предчувствую, —

сказал он, — что долго жить в России не буду. Но не поехать я не могу. Старый солдат революции должен быть на своем посту, когда его зовут». Мои доводы в пользу того, почему он должен отложить свою поездку на более благоприятное время, на него не подействовали. Насколько он сам, как и жена его, сознавал всю опасность их поездки морем до Норвегии, показывает тот факт, что оба они у меня оставили прощальные письма, своего рода завещание, которое я должен был передать их дочерям, если они погибнут. Но Плехановым удалось благополучно приехать в Россию».

Ночью тридцать первого марта к финляндскому вокзалу в Петрограде тянулись массы рабочих, учащаяся молодежь, общественные деятели, члены Совета рабочих и солдатских депутатов, члены Государственной Думы и Временного правительства. Вместе с ними шли части бывшей царской гвардии с красными знаменами и оркестрами музыки. Этот огромный человеческий поток сразу наводнил весь вокзал, платформу и даже ближайшую площадь. Люди, которые были легко одеты, не по погоде, дрожали от предрабачного холода, но все же терпеливо ждали опоздавший поезд, который должен был прибыть из Финляндии. Но вот издали послышался свисток, показались огни локомотива, и поезд медленно остановился у платформы. Оркестры грянули «Марсельезу». Многотысячная публика рвалась вперед с возгласами радости и приветствия. То приехал Плеханов.

И когда Плеханов с женой вышел из вагона, тысячи рук потянулись к нему. Глаза у всех сияли. У многих на лицах были слезы и радостные улыбки. Его обнимали, прижимали к себе, целовали. При непрекращавшихся звуках оркестров и радостных возгласов толпа Плеханова оторвала от его супруги и захватила его в людской водоворот. Жена его, которая очень опасалась за его здоровье, напрасно умоляла публику не налегать на него слишком сильно, никто к ней не прислушивался. «От большой любви и большой радости мои соотечественни-

ки меня чуть не задушили» — рассказывал потом Плеханов, который после этой торжественной встречи испытывал большие муки. Из-за больных легких ему трудно было дышать. Его так прижали, что он чуть не упал в обморок.

В обширных царских палатах, куда «дорогие соотечественники» его в конце концов привели, начались длинные приветственные речи. Говорил председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Николай Чхеидзе, члены Временного правительства и другие. На лицах у всех была радость, у многих в глазах стояли слезы. Несмотря на то, что было уже очень поздно и Плеханов страшно устал, его сразу повели на заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, где опять-таки продолжали приветствовать и обнимать больного гостя, который еле держался на ногах. Все же он вынужден был отвечать на эти речи.

Так петроградский пролетариат, войска, интеллигенция и население приветствовали ветерана русской революции, старого борца за свободу, который 37 лет провел в изгнании, а теперь с большой опасностью для жизни предпринял поездку в Петроград.

В своей речи на заседании Совета Плеханов, между прочим, сказал: «По своему происхождению я мог принадлежать к числу угнетателей. Я мог принадлежать к «ликующим, праздно болтающим, обагрывающим руки в крови». Я перешел в лагерь угнетенных, потому что любил страдающую русскую массу, потому что любил русского крестьянина и русского рабочего. И когда я признаюсь в этой любви, разве кто-нибудь обвинит меня в преступлении? Такого человека между нами нет и быть не может. (Шумные аплодисменты). Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига ее домашних эксплуататоров. Но когда я увидел с полной ясностью, что к числу Романовых, к числу их приспешников, к числу всех тех, которые стояли жадной толпой у трона, к числу угнетателей русского народа спешат при-

соединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я сказал: наша обязанность защищать весь русский народ от немцев, защищать его от Гогенцоллернов».

«Я никогда не видел, товарищи, почему эксплуататор, говорящий по-немецки, должен пользоваться каким-нибудь снисхождением с нашей стороны сравнительно с эксплуататором, говорящим по-русски. Это не имеет никакого смысла. Мы желаем России освобождения от всякой эксплуатации, откуда она бы ни шла. Да здравствует вольная Россия, независимая, избавленная от эксплуатации как со стороны внутреннего врага, так и со стороны внешнего!... Мы должны помнить, что, если немцы победят нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего».

И в последующие дни, в продолжение нескольких недель двери дома Плехановых не закрывались. К нему приходили разные посетители — члены Исполкома Совета рабочих депутатов, представители фабрик и заводов, депутаты рабочих, солдат, матросов и такие лица, как адмирал Колчак, генералы Алексеев, Корнилов, Родзянко и даже монархист Пуришкевич. Со всех концов России ежедневно получались на его имя десятки писем и телеграмм с пожеланиями, просьбами, предложениями от организаций, групп и отдельных лиц.

В 1917 году Плеханов оказался одним из самых ярких и последовательных противников большевизма. В мае 1917 г. он писал в своей петроградской газете «Единство»:

«Большевики хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий. Их выступления очень дорого обошлись России. Поэтому необходимо как можно скорее отмежеваться от них. И когда они говорят другим социалистам: «Не душите своих друзей, давайте совместно работать», ре-

волюционное демократическое большинство должно решительно ответить им: «Работать вместе с вами можно только на гибель русского государства и русской революции...»...

«Захват власти большевиками — будет самым большим несчастьем, которое только могло случиться с русским рабочим, а стало быть, и с Россией».

Так говорил Плеханов еще в мае 1917 года. Незадолго до Октябрьского переворота он писал:

«Социалистический строй предполагает, по крайней мере, два неперемennых условия: во первых высокую степень развития производительных сил, так называемой техники; во вторых весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. Если бы рабочие попытались организовать его при отсутствии указанных условий, то из их попытки не вышло бы ничего хорошего. Им удалось бы организовать только голод. Неизбежным следствием «организации голода» явился бы жестокий экономический кризис, после которого рабочие оказались бы в положении гораздо более невыгодном, чем то, в котором они находились до своей попытки. Толковать об организации социалистического общества в нынешней России — значит вдаваться в несомненную, и притом крайне вредную, утопию».

5 июля 1917 г., после провала июльского восстания большевиков, Плеханов писал в «Единстве»:

«Когда сторонники Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и свое правительство. А когда на эту позицию и на это правительство предпринимается вооруженное нападение, тогда нельзя довольствоваться добрыми советами по части общественного спокойствия и хорошими речами о выгодах общественной тишины. Оружие критики становится бессильным там, где начинается

критика посредством оружия. Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России годину. И горе тем, которые не умеют ответить насильникам ничем, кроме хороших слов!»

А через два месяца, 3 сентября, Плеханов писал:

«Число сторонников Ленинской тактики быстро увеличивается, по крайней мере в Петрограде. Если события пойдут так, как этого хотелось бы ленинцам, то скоро затяжной кризис, переживаемый нашей революционной властью, получит весьма определенное решение: Ленин займет место А. Ф. Керенского. Это будет началом конца нашей революции... Вскоре после возвращения своего на родину я писал, что опасные не столько **Ленин и его последователи**, сколько **полу-ленинцы**, отвергающие мысль о диктатуре пролетариата и крестьянства и в то же время ведущие себя так, как будто бы они одобряли ее. Теперь видно, что я был прав. Торжество — будем надеяться, временное, **ленинцев** в петроградских органах революционной демократии, больше всего подготовлено было вопиющей политической непоследовательностью их незаконнорожденных братьев-полуленинцев, имя которым — легион. И оно до сих пор поддерживается, главным образом, той же непоследовательностью... Поразительная, почти беспримерная, **непоследовательность полуленинцев губит революционную демократию, которая в свою очередь погубит революцию, если только не опомнится, пока еще не совсем поздно**». (Подчеркнуто Плехановым).

Через две недели, 16 сентября, Плеханов писал:

«Я всегда говорил, что опасны не **ленинцы**, а **полуленинцы**. Под полуленинцами я понимаю тех наших социалистов, которые, отвергая **некоторые основные посылки** ленинской тактики, все таки готовят его победу тем, что разделяют **другие** его посылки, в **практическом отношении более важные**... Речь идет именно о практическом действии, об агитационном влиянии на массу. И вот тут то социалисты, разделяющие известную часть

основных посылок Ленина, изо всех сил помогают ему, настраивая рабочих и солдат в желательном для него смысле... Когда у нас составилось коалиционное правительство, полуленинцы нашли нужным печатно заявить, что в противоположность западным социалистам наши социалистические светила вошли в министерство с тем, чтобы в недрах его продолжать классовую борьбу. Поставить себе такую роль значит отвергнуть идею коалиции **на деле, признав ее на словах**. Вот какова логика полуленинцев!... Нужно соглашение всех тех классов и слоев, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. К такому соглашению нельзя придти без взаимных уступок. А им то и мешают полуленинцы, усердно работающие на Ленина».

Плеханов все время защищая идею честной коалиции между социалистами и либералами. В целом ряде номеров своей газеты «Единство» (номера от 25 мая, 16 июля, 13 и 15 августа, 8, 16, 17 сентября) он писал:

«Коалиция нужна для избежания гражданской войны. Коалиция нам нужна для устранения той грозной хозяйственной разрухи, борьба с которой не может быть успешно ведома силами одной только революционной демократии. Вне коалиции для нас нет спасения. Нужна не капитуляция, а именно коалиция. **Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны**. Власть, воздвигнутая на узком социальном фундаменте, неизбежно страдает неустойчивостью. А неустойчивость власти так же неизбежно вводит в искушение разных авантюристов, пытающихся заменить ее новой властью, более удобной для их честолюбивых замыслов. Всякое коалиционное правительство возникает как результат взаимных уступок. **Коалиция есть соглашение**. Соглашение не есть борьба. Кто входит в соглашение, тот в его пределах, — заметьте, я говорю в его пределах, — отказывается от борьбы. А кто продолжает борьбу, тот нарушает соглашение. Тут середины быть не может: не хотите соглашения — идите за Лениным, не решаетесь итти за Лениным — входите

в соглашение. Социалисты должны вступить в коалиционное министерство, чтобы **работать** для удовлетворения насущных нужд страны вместе с **несоциалистическими его элементами**, а не затем, чтобы вести с этими последними «классовую борьбу». К соглашениям нельзя прийти без взаимных уступок. Нет таких формальных препятствий, с которыми нельзя было бы справиться, обладая нужным запасом благоразумия и доброй воли. Но в том то и дело, что тут много, очень много, требуется как благоразумия, так и доброй воли. Чтобы побороть указанные препятствия, необходимо смотреть на предмет с точки зрения **нужд всего населения**, а не с точки зрения интересов отдельного общественного класса или слоя. **В противоположном случае ничего хорошего не выйдет.**

В августе 1917 года Плеханов и его жена были в Москве на знаменитом Государственном совещании. Они прожили там 10-12 дней в доме старого социал-демократического писателя Николая Вольского, писавшего под псевдонимом Николай Валентинов. В. И. Засулич тогда тоже была в Москве. «Войдя однажды в мою комнату, пишет Валентинов, он попросил дать ему «Былое и Думы» Герцена и быстро нашел то место, где тот описывает, как, находясь на Воробьевых горах в 1827 году, он и юный Огарев, обнявшись, «присягнули пожертвовать жизнью» за счастье и свободу народа. В 1853 году, обращаясь к Огареву, Герцен писал:

«Сцена эта может показаться очень натянутой, очень театральной, а между тем, через двадцать шесть лет, я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша. Так, Огарев, рука об руку, входили мы с тобой в жизнь. Путь, нами выбранный, был не легкий, мы его не покидали ни разу, раненные, сломанные мы шли и нас никто не обгонял. Я дошел не до цели, а до того места, где дорога идет под гору, невольно ищу твоей руки, чтобы пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: **вот и всё.**»

Плеханов вслух, медленно, прочитал это место, осо-

бенно нажал на «**ВОТ и ВСЁ**» и, резко захлопнув книгу, обратился к Валентинову:

«Мне очень хотелось бы посетить место присяги Герцена и Огарева. Не могли ли бы вы организовать поездку туда? Это место можно считать священным в истории развития нашей общественной мысли. От этой присяги пошли и «Колокол», и «Полярная Звезда». Я думал о нем теперь едучи в Москву и очень часто раньше, живя в Женеве».

Через день на нескольких автомобилях Валентинов, вместе с Плехановым, его женой и Верой Засулич, в сопровождении некоторых других лиц отправились на Воробьевы горы. Плеханов и Засулич долго любовались панорамой. «Нетрудно было заметить, — вспоминал Валентинов, — что Плеханова что-то волнует. Ставший очень бледным, он вдруг сжал руки Засулич и сказал:

«Вера Ивановна, 90 лет тому назад, приблизительно в этом месте Герцен и Огарев принесли свою присягу. Около сорока лет назад, в другом месте — вы помните? — мы с вами тоже присягнули, что благо народа на всю жизнь будет для нас высшим законом. Наша дорога теперь явно идет под гору. Быстро приближается момент, когда мы, вернее, кое-кто о нас скажет: «Вот и все». Это, вероятно, наступит раньше, чем мы предполагаем. Пока мы еще дышим, спросим себя, смотря друг другу прямо в глаза: выполнили мы нашу присягу? Думаю, выполнили ее честно. Не правда ли, Вера Ивановна? Честно?»

Валентинов не слышал, что ответила Засулич. Он видел только, что на ее лице отразилось такое волнение, что казалось, она зарыдает. Согнувшись, она быстро отошла в сторону.*)

По мнению Дейча, болезненное состояние Плеханова в 1917 г. было одной из главных причин, почему он не имел большего влияния на развитие февральской рево-

---

*) Н. Валентинов. Трагедия Г. В. Плеханова. «Новый Журнал» (Нью Йорк) № 20.

люции, хотя обладал такими исключительными способностями и был так популярен. Если бы он был здоровее, он мог бы чаще выступать на собраниях рабочих и солдат, у которых он, несомненно, мог быть духовным вождем. «Неоднократно я имел возможность убедиться в этом, — пишет Дейч. — Мне, например, пришлось выступать вместе с ним на огромнейшем митинге на Обуховском заводе, и я видел, какое воодушевление он вызвал у всей огромной массы своей блестящей речью. После долгих, долгих аплодисментов и возгласов рабочие на руках вынесли его к его автомобилю. Не меньший успех он мог бы иметь и у солдат, если бы состояние его здоровья позволило ему выступать на тех митингах, которые тогда происходили в казармах. В юности он сам ведь служил в армии, и военную обстановку он прекрасно знал. Но в то время, как Плеханову приходилось неделями из-за болезни лежать в кровати, его враги нарочно вели против него сильную кампанию. Некоторые из них даже не останавливались ни перед ложью, ни перед наветами, лишь бы очернить его в глазах массы».

«В течение нескольких недель только на одном месте в Петрограде была специальная трибуна, где выступали один за другим ничтожные демагоги из бывших «товарищей», которые «срывали маску» с Плеханова. А окружающая толпа выслушивала этих ораторов, которые искажали мнения Плеханова и представляли его как изменника рабочему классу, который подкуплен капиталистами. Некоторые даже утверждали, что они сами видели, что он имеет собственную виллу и что по своим привычкам и образу жизни — он настоящий «буржуй». Эти устные и письменные нападки большевиков и других, крайне левых, несомненно имели влияние на массу. «Нет дыма без огня» — вероятно думали те, которые не знали скрытых мотивов гнусной травли самого талантливого мыслителя и борца из всех социалистов, которые боролись за торжество русской революции».

«Будучи часто пригвожденным к кровати, он не мог

и не имел возможности опровергать все лживые легенды, которые распространяли его враги о нем. Он был всецело занят другим серьезным вопросом... «Пусть они чернят мое имя, — говорил он, — но пусть революция победит. Пусть прусский военный сапог не раздавит ее». Итак, изо дня в день он в своих статьях указывал, при каких обстоятельствах революция может победить и спасти страну от гибели».

10 ноября 1917 г., то есть через три дня после Октябрьского переворота, Плеханов писал, что это событие его глубоко огорчает: «...Не потому огорчает, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души. Но рабочий класс не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Назвать ему такую власть — значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России... Захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года».

Так Плеханов писал в ноябре 1917 года, через три дня после переворота. Плеханов и в этом оказался прав: Октябрьский переворот вызвал гражданскую войну. В результате Октябрьского переворота рабочий класс России и вместе с ним весь народ утратили все те свободы, которые были завоеваны в феврале 1917 года.

III

А в своей последней статье, написанной им в январе 1918 г., уже после разгона большевиками Всероссийского Учредительного Собрания, Плеханов, отвечая на упреки, сделанные ему, что он в 1903 г. на втором съезде РСДРП высказался за разгон будущего Учредительного Собрания, если революционная партия не будет иметь в нем

большинства, писал, что он в своей тогдашней речи сказал, что **теоретически** мыслим такой случай, когда революционному правительству придется разогнать реакционное Учредительное Собрание. «Но теоретически мыслимый случай, — писал Плеханов, — не есть такой случай, который имеет место везде и всегда. Теоретическая **возможность** вовсе не есть **действительность**, к которой мы стремимся при данных условиях... Учредительные Собрания имеют разный характер... Учредительное Собрание, которое разогнали на этих днях 'народные комиссары' обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России. Разгоняя его, 'народные комиссары' боролись не с врагами рабочего класса, а с врагами диктатуры Смольного института (большевиков)... Захватывая власть в свои руки, они, конечно, не собирались отказываться от нее в том случае, если большинство Учредительного Собрания будет состоять не из их сторонников. Когда они увидели, что большинство это состоит из социалистов-революционеров, они решили: необходимо как можно скорее покончить с Учредительным Собранием... Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно поэтому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае ни социализм, вообще, ни марксизм, в частности, тут совершенно не при чем».

В этой же своей последней статье Плеханов вспомнил, что когда-то Виктор Адлер, лидер австрийской социал-демократии, задолго до революции в России говаривал ему полушутя, полусерьезно: «Ленин — ваш сын». «Я отвечал ему на это, — писал Плеханов. — Если сын, то, очевидно, незаконный». «Я и до сих пор думаю, что тактика большевиков представляет собой совершенно незаконный вывод из тех тактических положений, которые проповедывал я, опираясь на теорию Маркса-Энгельса.

Покойный Михайловский как-то заметил, что нельзя считать Дарвина, писавшего о борьбе за существование, ответственным за поступки «дарвиненка», который во имя теории великого английского натуралиста выскакивает на улицу и хватает прохожих за шиворот. Если позволите сравнить малое с большим, — нельзя меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое или преступное действие всякого русского «марксенка» или всякой группы «марксят».

Еще за несколько месяцев до большевистского переворота Плеханов предвидел, что при слабости и нерешительности Временного правительства, в результате постоянного давления на него со стороны левых социалистов, возглавлявших Петроградский и Всероссийский Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, Ленину и его сторонникам удастся захватить власть. Гуляя в то время однажды по набережной Невы с известным бельгийским социалистом Де-Брукером, Плеханов, указывая ему на Петропавловскую крепость, где в царские времена содержались многие заключенные революционеры, заметил: «Через три месяца моя очередь быть там». Захватившие власть большевики не заключили больного Плеханова в Петропавловскую крепость, а подослали к нему в дом матросов, которые грозили его убить. Большевики, если бы и не убили Плеханова, то наверное со временем арестовали бы.

IV

Вскоре после прибытия в Россию Плеханов поселился из-за его плохого состояния здоровья, в Царском Селе, где климат был лучше чем в Петрограде. Там его застиг октябрьский переворот и сразу же он там подвергся гнусным оскорблениям. К нему в квартиру ворвались подосланные матросы и застав больного Плеханова в кровати, один матрос крикнул ему: «Выдайте оружие, а то если найдем его сами, я тут же убью вас на месте». Плеханов не растерялся и спокойно ответил: «Убить чело-

века не трудно. Но оружия вы все-таки не найдете».

Супруга Плеханова потом рассказывала, что, увидев опасность, грозящую жизни мужа, она обратилась к матросу со словами: «Уверяю вас всем святым, что мы не храним оружия». На это последовал презрительный ответ матроса: «Ну что мне святые! Не верю я в святых!» Спокойствие Плеханова охладило матроса и он направился к выходу. За ним пошли и его товарищи. В дверях они остановились и опять допрос: «Какого вы звания?» Последовал ответ, озадачивший матроса: «Писательского». «Что вы пишете?» «О революции, о социализме». — «Ну, что революция! И Керенский был революционером! Вы министр?» — «Нет!» — «Вы член Государственной Думы?» — «Нет». После этого они ушли.

На другое утро опять в квартиру Плеханова явилась группа с требованием выдать имеющееся оружие. Но на этот раз супруга Плеханова не впустила их в квартиру и сказала им решительно, что она не допустит второго обыска, что стыдно поднимать больных с постели. На этот раз один рабочий-красногвардеец ответил извинениями и словами: «Мы не поднимаем больных». Этим дело и кончилось. Когда супруга Плеханова сказала Г. В.: «Неужели они к тебе опять придут? Это невозможно!» — Георгий Валентинович ответил ей: «Как ты мало знаешь этих людей (лидеров большевиков)! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы и объяснять случившееся разбушевавшейся народной стихией».

«Как Плеханов потом нам рассказывал подробности, — писал Дейч, — он считал себя уже обреченным и думал только об одном, чтобы он мог овладеть собой и не потерять спокойствия. И, как передает его супруга, ему это вполне удалось. Но несомненно, что те несколько минут ускорили его болезнь и приблизили его смерть. Больного Плеханова товарищи с большой осторожностью перенесли в карету скорой помощи и перевезли его в Петроград, поместив во французский госпиталь, где он мог

надеяться, что будет гарантирован от нового нападения. Но Плеханов с тех пор уже не встал с кровати. Он страшно страдал. Внешне, однако, он этого не показывал. Плеханов, как известно, был очень горд. К тому же он мог владеть собой. Только самые близкие люди, которые его знали в течение десятилетий, могли догадываться о его настроениях».

«Вскоре после этого произошло страшное, позорное убийство в больнице Шингарева и Кокошкина (министров Временного правительства), которых матросы застрелили, когда они находились в Надеждинской больнице. Супруга Плеханова и мы, его друзья, серьезно начали беспокоиться за его судьбу. После краткого обсуждения мы решили его отвезти в Финляндию, в санаторий, который находился в 60 верстах от Петрограда. В очень плохую погоду и самым неудобным образом удалось как-то перевезти Плеханова в санаторий в Питкяярви, недалеко от станции Териоки. Это еще больше ухудшило его здоровье. К его физическим страданиям прибавились душевные. Когда мы решили перевести его в Питкяярви, мы думали, что будем в состоянии часто посещать его и держать его в контакте со всеми событиями в России. Хотя болезнь легких его обострилась, он все же самым внимательным образом следил за всеми трагическими событиями, происходившими в стране».

«Но очень скоро после его прибытия в Финляндию, в самой Финляндии разразилась гражданская война. Связь между Россией и Финляндией была почти всецело прервана. Плеханов и его жена были совершенно оторваны от Петрограда. Нельзя было туда пробраться. Они даже не могли регулярно получать газет. Только в феврале 18-го года мне удалось получить разрешение от советской власти поехать к нему. Плеханов и Розалия Марковна (его жена) очень обрадовались моему приезду. Плеханов, я увидел, за это время сильно исхудал и ослабел. Даже в постели он не в состоянии был сам переверачиваться с одного бока на другой. У него все время была высокая

температура. Но все его духовные способности от этого не страдали. Его ясность мысли, исключительная память и остроумие и тогда не покинули его.

«Хотя врачи запретили ему много говорить, он все же меня засыпал разными вопросами о том, что происходит в Петрограде. И он тут же по-своему истолковывал мои ответы о последних политических событиях, опять и опять повторяя «Да, Россия пропала! Да, Россия погибла!» Потом он напомнил нам рассказ Глеба Успенского, где статистик, который подсчитывал число коров у крестьян, от поры до времени отрывался от своего стола и шагая по комнате из одного угла в другой, восклицал: «Две трети коровы на мужика! Россия погибла!» Потом при новом итоге он опять бегал по комнате и кричал: «Россия погибла!»

«То же самое повторяю и я сейчас, — сказал нам Г. В. с горькой улыбкой». Хотя он страшно страдал физически и душевно, он не переставал иронизировать и шутить. Брест-Литовский мир Плеханов считал позором и величайшим несчастьем для России. Он предвидел и надеялся, что союзники с помощью Америки в конце концов победят. «В таком случае, — говорил он, — для России еще не все потеряно, хотя факт предательства всегда останется черным пятном на России». На этот раз я долго не мог оставаться у Плеханова. Я должен был вернуться в Петроград, но я обещал приехать на более продолжительный срок в следующий раз».

«В марте мне опять удалось получить разрешение на въезд в Финляндию. На этот раз я Плеханова застал в еще более худшем состоянии: он начал харкать кровью. Жена его и я не отходили от его постели. Было тяжело видеть его страдания. Он знал, что приближается конец, который он предвидел еще в Лондоне. Мы старались его обнадежить и утешали, что с наступлением весны его здоровье улучшится. Но он не верил этому. Настроение у него было совершенно тяжелое. Он ясно видел, что большевистские вожди толкают Россию в пропасть. Не-

однократно он обращался ко мне с повидимому глубоко мучившим его вопросом: «Не слишком ли рано мы в отсталой, полуазиатской России начали пропаганду марксизма?»

«Кроме тех минут, когда его душил кашель, он все остальное время не переставал интересоваться всем, что имело какое-либо значение. И хотя врачи ему уже совершенно запретили говорить, он все же продолжал рассказывать о своем прошлом, о своих встречах с разными знаменитостями и т. д. Когда он уставал от разговоров, он просил меня, чтобы я ему вслух читал Лескова, Чехова и Мопассана, При этом он посреди чтения делал очень меткие замечания, сравнения и комментарии. Это были, может быть, самые интересные лекици о мировой литературе. Когда я приходил к себе в комнату после разговоров с Плехановым, я записывал некоторые его меткие замечания и характеристики Ленина, Троцкого, Мартова и других. Если бы возможно было собрать и издать все эти характеристики, воспоминания и комментарии, это составило бы редкую книгу, чрезвычайно интересную, может быть, одну из самых замечательных книг в мировой литературе».

**
*

В продолжение многих лет Л. Г. Дейчу неоднократно приходилось беседовать с Плехановым с глазу на глаз, присутствовать при его разговорах с другими лицами или слышать его рефераты или речи на разных собраниях, но никогда, по словам Дейча, его речи не были так оригинальны, глубоко захватывающи и интересны, как тогда в финдляндском санатории. А главное — замечателен был их тон. «Почему это так было, — писал Дейч, — понятно становится, когда вспоминаешь об историческом и страшном периоде который переживала тогда Россия. Война еще не окончилась, коммунизм только начал свои первые шаги... И в такое время Плеханов, один из выдающихся русских мыслителей, человек с энциклопедическими

знаниями, феноменальной памятью и исключительной наблюдательностью, — лежит пригвожденный к постели в заброшенном санатории, как будто бы скованный. Человек, который привык духовно работать с утра до темной ночи, делиться устно и письменно своими мыслями и мнениями, лежит целыми ночами с открытыми глазами и думает. Его голова не перестает работать и у него рождались разные мысли, воспоминания, сравнения».

«Тут, в тишине и спокойствии, без ежедневной работы, у него начали вырываться наружу все огромные сокровища, которые накоплялись у него в голове в течение десятков лет. Его всесторонние знания, которых он не использовал, его впечатления о многих встречах, переживаниях — все, все рвалось теперь наружу. Получалось впечатление, что он как будто торопился делиться всем тем, что он раньше не успел высказать для того, чтобы не унести с собой все это в могилу. Мне кажется, что только этим его состоянием можно объяснить его тогдашний интимный тон его разговоров».

«Даже после кровоизлияния, когда врачи окончательно запретили ему произнести хотя бы одно слово, его это не удерживало и он продолжал делиться со мной своими мыслями — он записывал на бумажке разные вопросы и высказывал свои мнения о них, а также мнения о разных лицах. Эти записки Плеханова, его последние рукописи я храню как зеницу ока и при случае я их когда-нибудь опубликую». К концу марта положение в Финляндии стало еще бескокойнее. Гражданская война, которая свирепствовала кругом, стала опасной также для санатория».

Нередко санаторий со многими больными оставался без продуктов из-за невозможности достать что-нибудь, ибо та и другая сторона часто конфисковывали все продукты. Дейч вынужден был вернуться в Петроград по личным делам, а также чтобы достать продукты и медикаменты для Плеханова. Но уже при отъезде он страшно беспокоился, сможет ли еще раз приехать к нему. Уже

на второй день оказалось, что его предчувствие его не обмануло. «Белые» везде побеждали «красных» в Финляндии, а потом на долгое время всякие сношения с советской Россией были прерваны. Не только нельзя было ездить в Териоки, но даже писем нельзя было посылать туда. «Всякая связь между мной и Плехановым оборвалась. Невыносимо тяжело было, — писал Дейч, — представить себе, что умирающий Плеханов лежит где-то на чужбине в заброшенном углу одинокий, без всяких средств... В течение нескольких дней мы не знали даже — жив ли еще Плеханов».

« В первых числах июня одна дама, которая каким-то чудом пробралась в Петроград из Финляндии, сообщила мне, что Плеханов скончался 30-го мая. При этом она передала что супруга Плеханова просила ее передать мне, чтобы я получил разрешение перевезти прах Плеханова в Петроград, так как он выразил желание быть похороненным на Волковом кладбище, рядом с Белинским. (Белинский, кстати приходился ему дальним родственником: мать Плеханова была родом Белинская). Хотя я ждал такого сообщения, но это меня поразило как громом и совершенно потрясло».

«Три дня подряд я потом являлся на пограничную станцию Белоостров, пока мне удалось дать знать Розалии Марковне, что нет никаких препятствий для перевезения мертвого Плеханова в Петроград. На том же Финляндском вокзале, где 14 месяцев тому назад его с таким одушевлением встретили огромные массы народа, теперь небольшая группа близких друзей и почитателей встретила его набальзамированный прах. Как известно, советская власть издала приказ, чтобы петроградские рабочие не участвовали в похоронной процессии Плеханова из-за его политики в последнее время. Однако более сознательная часть петроградских рабочих не послушалась этого приказа. И гроб Плеханова сопровождала огромная масса людей».

**
*

9 июня на похорнах Г. В. Плеханова, согласно отчету Горьковской «Новой Жизни» от 11-го июня, приняли участие многочисленные политические, рабочие, профессиональные, национальные и научные, студенческие и пр. организации и множество социалистической и демократической интеллигенции Петрограда, а также целый ряд общественных, литературных, культурно-просветительных и кооперативных учреждений. Ровно в 12 часов гроб на руках друзей и близких покойного был вынесен из помещения Вольно-экономического общества под звуки музыки «Коль славен», исполненной матросским оркестром бывшей яхты «Штандарт». Депутаций и венков было бесконечно много. Обращал внимание венок от монархиста В. М. Пуришкевича — «Политическому врагу, великому русскому патриоту Георгию Валентиновичу Плеханову»...

В 2 часа 15 минут печальный кортеж остановился на Казанской площади, которая была усеяна сплошной массой народа, захватившей весь район площади до Садовой улицы с одной стороны и до Морской — с другой. Оркестр играл похоронный марш Шопена, после которого раздались звуки «Вечной памяти». Небольшую речь с балкона произнес рабочий Берг от имени Собрания Уполномоченных фабрик и заводов.

К 5-ти часам вечера процессия подошла к Волкову кладбищу. К моменту прихода процессии Литературные Мостки, где была приготовлена могила для Плеханова, возле могил Белинского и Добролюбова, были сплошь заполнены народом. Гроб у края могилы. Мимо него проходят бесконечные делегации с венками и знаменами. Начинаются речи. Первым говорит взволнованный до слез ближайший друг покойного Лев Дейч.

«У Христа, — говорит Дейч, — был один только Иуда, а среди учеников Плеханова их было много». Далее Дейч говорит о равнодушии, проявленном рабочим классом к Плеханову. Это несомненно послужило причиной преждевременной смерти его. История покажет, кто был

прав. Плеханов ли который четыре года назад заявил о необходимости защиты России или те, кто его за это прозывали чуть ли не изменником. Далее говорили: председатель совета уполномоченных фабрик и заводов А. Н. Смирнов, рабочий Путиловского завода Глебов, председатель общества «Культура и Свобода», рабочий Иван Кубиков и др.

Рабочий Смирнов сказал: «Смерть этого большого человека давит мысль и чувство. Мы зарываем его в могилу в дни национального бедствия, когда те жалкие остатки, которые еще имеются у нас, с каждым днем отдаются в ненасытную пасть немецкого империализма, когда страна управляется расстрелами, когда земля поливается кровью рабочих, когда у нас нет правосудия и задушено свободное печатное слово. Мы хороним Плеханова в этот ужасный момент, а русское общество хранит упорное молчание. Где те, кто так же умел бороться, как наш покойный учитель? Лед равнодушия должен тронуться или окончательная гибель неминуема».

С глубоким волнением говорил Александр Николаевич Потресов, один из основателей и редакторов газеты «Искра». Он сказал: «Плеханов был нашей национальной честью, национальной гордостью, но он же стал нашей величайшей национальной жертвой».

После речей гроб с останками Плеханова под пение Вечной Памяти тихо опускают в могилу. Могила засыпается, земляной холм увенчивается массой живых цветов и венков.

В 1922 году, когда Бухарин однажды зашел к Ленину, Ильич ему сказал:

«А знаете, что я теперь читаю? Я теперь вновь перечитываю статьи Плеханова, которые он писал во время войны. **Интересно!** Они вовсе не были так глупы, как мы тогда думали».